

стве; музыка обращена к слуху. Однако общее у этих двух видов искусства абстрактность формы. В самом деле, на слух мы воспринимаем звуковую информацию из внешнего мира. Но музыка не воспроизводит словесную речь, она ничего не описывает и обычно не изображает природные звуки и звуко-сочетания. Музыкальная форма абстрактна, она рождается в голове ее создателя и практически не имеет аналогов во внешнем мире. И музыка и архитектура формируют наше настроение. Музыка своей динамикой, фактурой, звучанием, а архитектура своими формами, контурами, рисунками. Недаром Ф.Шеллинг назвал архитектуру *застывшей музыкой!*

...

1. Гидион З. Пространство, время, архитектура. – М., 1984.
  2. Иконников А.В. Функция форма, образ в архитектуре – М., 1984.
  3. Ляхова К.А., Дятлова П.В. Популярная история архитектуры. – М., 2001.
-

Алексеева Т.П.

**Особенности конструкции и декоративного убранства
традиционной одежды населения Горного Алтая
периода XIII –XVIII веков**

*ФГБОУ ВО «АГПУ им. В.М. Шукина»
(г. Бийск)*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности традиционной одежды южных алтайцев периода XIII – XVIII веков. Автором анализируются специфика конструкции и декора женского костюмного комплекса южных алтайцев.

Ключевые слова: культура, традиционная одежда, алтайцы.

В эпоху монгольского владычества культура алтайцев находилась на более низком уровне, чем она была в период тюркского каганата. Об этом говорит полное отсутствие богатых погребений с пышным погребальным инвентарем в монгольский период на Алтае. В женском погребении этого периода из украшений найдены простая медная серьга, гладчатые бусы и ракушки каури [2, 130 с]. В этих погребениях нет золотых и серебряных украшений, богатого вооружения и других подобных предметов, которые хорошо известны археологам по памятникам времени ранних кочевников на Алтае. Культурное оскудение и отсталость алтайцев достигли своего предела в период господства на Алтае ойратских или джунгарских ханов. Тюркоязычные племена Алтая в XVII и первой половине XVIII века находились в политической зависимости от западных монголов, или ойратов, которые со второй половины XVII в. чаще известны под именем джунгар. В данный период, который отличается культурным оскудением и отсталостью алтайцев, сформировались племена Северного Алтая (шорцы, челканцы, кумандинцы, туба-

лары) и племена Южного Алтая (теленгиты, телеуты, алтай-кижи). В традиционном костюме данных племен просматривается определенное различие.

О формировании традиционного костюмного комплекса южных алтайцев свидетельствует коллекция находок украшений и принадлежностей алтайского женского костюма, обнаруженная в позднесредневековом погребении Чоба–Баш, исследованном в 2001 году [1, 253 с]. Верхнюю плечевую одежду погребенной представляет платье или халат туникообразного покроя. Данный вид одежды имел широкий отложной воротник, к нижним краям отворотов которого крепились декоративные подвески. Вдоль разреза этой одежды впереди были пришиты три «мягкие пуговицы» с бронзовыми сферическими окончаниями. Сзади, к нижнему краю воротника, был пришит кожаный ремешок с пятью цилиндрическими подвесками на длинных петлях. Каждая подвеска была изготовлена из плотно свернутой красной материи, прошита и обернута нитью. Подвески были укреплены на петлях из толстого шнура с вплетенной металлической нитью. Под петлей шнур завязан тугим декоративным узлом. Ввиду того, что составные части подвесных украшений отложного воротника изготовлены из органических материалов, в археологических комплексах аналогий им не прослеживается. По этнографическим материалам, подобные подвески использовались в XIX - XX веках при украшении спереди нижнего края отложного воротника женской верхней наплечной одежды южных алтайцев: алтай-кижи и теленгитов. В этом же погребении было обнаружено одиннадцать шаровидных, слегка приплюснутых стеклянных подвесок или пуговиц. Вероятно, подобные украшения использовались в качестве окончания составных подвесок. В этом погребении обнаружено было шесть бусин из цветного стекла. Они имели шаровидную форму, приплюснутую с обеих сторон, и сквозное отверстие. Эти бусины, скорее всего, входили в состав подвесок, пришивающихся к нижнему краю отложного воротника.

Прическу женщины увенчивал накосник, который был украшен плотно нашитыми 39 раковинами каури. Все эти раковины относились к одному ярусу накосника, который соединял косы в одно накосное украшение. Соединение накосника в одно сложное украшение было характерно для этнографической культуры разных групп алтайцев. Однако, в отличие от накосника обнаруженного в погребении Чоба-Баш, в XIX - XX веках раковины каури крепились к каждому из накосников. Вероятно, этот накосник можно считать упрощенной исходной формой сложных накосных украшений женских причесок разных групп алтайцев этнографического времени. Использование в качестве украшений большого количества раковин каури для накосников характерно для многих тюркоязычных народов. Раковины каури использовались в качестве нашивных и подвесных украшений женского костюма у кочевоего населения Горного Алтая со скифского времени.

В данном погребении была обнаружена в левом ухе женщины серьга с подвеской. Серьга изготовлена из тонкой бронзовой проволоки, имеет тре-

угольные очертания с разъемом на основной стороне и двойным стержнем, заканчивающимся петелькой снизу. На стержне укреплен в центре стеклянная шаровидная бусина. С обеих сторон от бусины стержень обмотан плотно стянутой нитью, образующей конусы вверх и вниз. На петельке укреплен дисковидная подвеска из непрозрачного камня, беловато-розового цвета. Данная серьга существенным образом отличается от серег, бытовавших у кочевников Горного Алтая в предшествующую эпоху развитого средневековья (господства тюркского каганата), когда были распространены проволочные серьги с овальным проемом и украшения на изогнутом стержне с подтреугольным фигурным щитом с гнездом и вставками из цветных камней или стекла. Чоба-Башская серьга отличается по конструкции от серег, характерных для периода этнографической современности.

Основные элементы реконструированного женского костюма и набора украшений из погребений Чоба-Баш находят аналогии с женским костюмом современных южных алтайцев: теленгитов, телеутов, алтай-кижи. Для данной этнической группы был характерен подобный комплекс украшений одежды и причесок. Черты сходства носят системный характер, а различия касаются отдельных деталей, которые могут быть объяснены тем, что этнографический облик, характерный для женского костюма и аксессуаров у алтай-кижи, теленгитов, телеутов ко времени захоронения в данном месте еще не сформировался в полной мере. Это дает основания для отнесения памятника Чоба-Баш к эпохе позднего средневековья или начальному этапу эпохи этнографической современности, когда происходило сложение основных элементов костюма разных этнических групп алтайцев.

Итак, к началу XVIII в. практически сформировался национальный костюм южных алтайцев, в частности женский. Костюмный комплекс составляли верхняя плечевая одежда (шубы, кафтаны, халаты), нижняя плечевая одежда (рубашки), штаны, пояса, шапки, пришевные, подвесные, накосные украшения, серьги, кольца и т. д. Важной частью женского костюма являлся чегедек. Тесные контакты у южных алтайцев в XVII веке с дербетами повлияли на формирование женского костюма южных алтайцев, что проявилось в сходстве чегедеков. Чегедек носили поверх шубы только замужние женщины. Установлено, что подобного типа одежда была распространена у племен Горного Алтая, в Передней Азии, Средней Азии и этнографическими аналогами ее, видимо, следует считать некоторые тунгусские и алтайские виды одежды. Создание этой модели могло произойти под влиянием различных обстоятельств, но основной причиной было выделение и закрепление социального и возрастного статуса женщины в семье и общине. Нельзя не отметить, что динамику конструкции и декора традиционного костюма южных и северных алтайцев связано с модой и внешней политикой. Пришлое население широко практиковало одаривание алтайцев предметами одежды, украшениями и различными тканями.

1. Борисенко, А.Ю., Худяков, Ю.С. Чоба-Баш – новый памятник эпохи позднего средневековья на средней Катунь / А.Ю. Борисенко, Ю.С. Худяков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии института археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск: Изд-во института археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 7. – С. 253 – 257.

2. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев / Л.П. Потапов. – Новосибирск: Новосибирское областное государственное издательство, 1948. – 506 с.

Шведова Е.В.

В чем сила музыки В. Моцарта

*Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
«Школа №1357» «На Братиславской»
(г. Москва)*

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос универсальности музыка В. Моцарта. Используются стихи поэтов.

Ключевые слова: универсальность, задушевность, современность.

Поэт Виктор Боков писал:

Счастье!

Звучит нестареющий Моцарт,

Музыкой я несказанно обласкан.

Сердце

В порыве высоких эмоций

Каждому хочет добра и согласия.

Чем больше слушаешь музыку В. Моцарта, тем больше понимаешь эти строки поэта.

В. Моцарт композитор универсальный. Он писал и инструментальную музыку, и вокальную, то есть сочинял во всех существующих в его время жанрах и формах. В дальнейшем такой универсализм станет редким явлением. Но Моцарт универсален не только поэтому. Его музыка вмещает в себя огромный мир: в ней есть небо и земля, природа и человек, комедия и трагедия, страсть и глубокое внутреннее спокойствие.

В чем же сила музыки В. Моцарта?

- музыка, воздействуя на чувства человека, влияет на его настроение;

- от настроения зависит характер поведения человека, его поступки;

- из поступков складывается судьба человека, его жизнь.

С огромной силой в музыке Моцарта передано ощущение полноты жизни, радость бытия и страдания человека. Скорбь нередко достигает трагизма, но преобладает ясный, гармоничный жизнеутверждающий строй.

Моцарт универсален еще и потому, что он мог бы жить в любое время. Каждый человек, разных интересов и возрастов, находит в музыке Моцарта

